

С. А. Нерян

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В "ПОВЕСТЯХ БЕЛКИНА" А. С. ПУШКИНА

Цикл "Повестей Белкина", созданный А. С. Пушкиным в первую болдинскую осень 1830 года, во многом предопределил пути развития классической прозы XIX века. Проблематика, стиль, принципы построения характеров в нем были новыми для русской литературы. Его автор изображал, пишет Г. П. Макогоненко, "...обыкновенных героев с их ничем не примечательной судьбой, обыкновенные события, обыкновенный быт бедных русских чиновников, армейских офицеров, ремесленников и провинциальных помещиков..." [9, с. 127]. И вместе с тем, он ставил общие философские проблемы, касающиеся важнейших сторон бытия. Это проблемы взаимоотношений личности и общества, её роли и места в историческом развитии, её духовной жизни, отношения к своему "я" и к другим людям.

В художественной литературе концепция человека находится в единстве с идеалом, той целью, к которой устремлен писатель. Вместе они и выражают суть гуманизма, являющегося основополагающим принципом литературы.

Концепция человека — это система представлений о личности и её отношениях с миром. Выделяют четыре основные линии при выявлении авторской концепции человека:

- 1) человек и мир;
- 2) человек и сверхъестественное;
- 3) конечность и ценность жизни человека;
- 4) структура личности¹.

Разумеется, в произведении или цикле особо выделяется тот или иной аспект концепции человека. И он неотделим от созданной писателем образной системы. И в ходе идейно-

творческих исканий представления о человеке изменяются, вплоть до возникновения нового взгляда на жизнь.

Болдинская осень 1830 года явилась переломным моментом в творчестве Пушкина, как и в его личной судьбе. Очевидно, к моменту приезда в Болдино 3 сентября 1830 года новая концепция человека в его творческом воображении сложилась лишь в самых общих чертах. Конкретизация же и развитие ее происходило в процессе создания болдинских произведений. Первым было стихотворение "Бесы" о сложности и запутанности жизни и "Элегия" ("Безумных лет угасшее веселье..."), в которой с особой остротой выражена мысль о конечности и ценности жизни. 9 сентября появляется "Гробовщик" — первое оконченное произведение в прозе. И у писателя возникает потребность создать целый цикл, объединенный общей концепцией действительности.

В. В. Гиппиус отметил, что А. С. Пушкин предполагал взять эпиграфом к циклу изречение святогорского игумена: "А вот то будет, что и нас не будет". Таким образом трагедизируется проповедь Екклесиаста. Иронически трактуется тема конечности жизни. И очевидно, этой же теме принадлежит в "Повестях Белкина" важное место.

В. С. Узин утверждает, например, что в "Выстреле" и "Гробовщике" отразилось раздумье поэта о жизни и о ее ценности [13, с. 48]. И не даром. Ведь в цикле отражен переломный момент в русской жизни, связанный с крушением патриархальности и пробуждением личностного самосознания. Человек познавал мир, свои отношения с ним. Он пытался найти своё место в этом мире, смысл своей жизни. Осознание конечности своего биологического существования является важным этапом в становлении представлений человека о мире. Отношение личности к миру проникнуто двойственностью в связи с конечностью ее существования. Эрих Фромм пишет о том, что человек никогда не бывает свободен от двойственности своего бытия: "... он не может избавиться от своего тела, пока жив, и это тело заставляет его хотеть жить" [14, с. 46]. В этом принципиальное отличие человеческой жизни от существования других организмов: человеку в силу осознанности его отношения к миру дано знать о предстоящей смерти. Жажда жизни вступает в противоречие с сознанием факта ее конечности. В связи с этим появляется страх перед смертью.

¹ Концепция человека в русской литературе. — Одесса: Астропринт, 1997. — С. 3.

Л. А. Китаев-Смык в книге "Психология стресса" на основе многолетних исследований выделил четыре вида страха смерти:

1) страх перед исчезновением человечества вообще. Такое чувство страха может сочетаться с мыслями, направленными на поиск пути к спасению от опасности, порождающей страх;

2) страх, в основе которого лежит феномен, вызванный исключением особи из стада, стаи. В человеческом сознании он отражается неприятным представлением о потере своего социального статуса;

3) это разные по интенсивности дискомфортные ощущения, вплоть до чувства "смертельной тоски";

4) чувство, опосредованное "страхом" за сохранность популяции, к которой принадлежит особь, индивид. Такого вида "страх" за жизнь своего рода лежит в основе страха за детей, родителей, за родных и знакомых. Такое чувство "страха" за людей порождает личное бесстрашие. Отсюда "... только первый вид страха смерти непосредственно связан с осознанием человеком своей конечности как биологического существа, гибель которого влечет за собой и утрату личности. В основе трех других его видов лежат социальные факторы..." — пишет В. Г. Немировский [10, с. 161].

Второй вид "страха смерти" проявляется без осознания смерти как таковой, а лишь в форме дискомфортных переживаний, угрожающих потерей социального статуса.

На наш взгляд, такой вид "страха" присущ герою повести "Гробовщик". "Адриан Прохоров был утрюм и задумчив... по своему обыкновению был погружен в печальные размышления...". Несмотря на то, что он переселялся в новый дом, давно "соблазнявший его воображение", "старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось" [II, т. 6, с. 81-82].

Можно было бы дать этой "мрачной задумчивости" и "печальным размышлениям" высокое истолкование. Такое, например, как в оде Державина "Водопад", из которой взяты строки для эпиграфа к "Гробовщику".

Не зрим ли каждый день гробов
Седин дряхлющей вселенной?

Но в оде выражено возвышенное отношение поэта к жизни и смерти и оно противопоставлено сниженности этого отно-

шения у гробовщика, который, как выясняется, думал не о значении смерти, а о "неминуемых расходах".

Для Адрияна стирается разница между жизнью и смертью, смерть становится явлением обыденным и привычным, она для гробовщика является источником доходов. Но подсознательно он чувствует неестественность своих отношений с человечеством, так как в качестве человека, а не гробовщика, Адриан не может желать смерти окружающим. В этом отношении большое значение имеет сон Адрияна. Сон "...идет необъявленный... — пишет С. Г. Бочаров, — ...видимое прямое движение повести возникает из постепенного совмещения и смешения "внешнего" и "внутреннего" плана существования ее героя; повествование словно теряет грань между явью и сном, реальностью и фантастикой, действительностью героя и его сонным сознанием..." [3, с. 209].

Сон Адрияна Прохорова состоит из двух частей. В первой он представлен в отношениях с клиентами, которые отличаются от клиентов других ремесленников, так как человек должен умереть, чтобы стать клиентом Адрияна. Гробовщик хочет приравнять себя к другим ремесленникам и доказать тем самым, что отношения с людьми у него вполне нормальны. Во второй части сна клиенты и представлены в чисто человеческом отношении: они приходят к Адриану в гости по случаю новоселья, хотя для этого им пришлось подняться из могил. Невозможность естественных отношений не осознается им, но она является его сознанию в картине прихода мертвецов и возникшего у него с ними конфликта.

А. И. Дубровский считает, что "...человеческая жизнь длится чувством своего необыкновенного предназначения, устремляется в будущее надеждой и верой... Когда проекции в будущее пересекаются, наступает конец, жизнь утрачивает смысл. Отсутствие, ликвидация смысла, атрофия способности творить человеческий смысл означает абсурд" [5, с. 27].

Может, именно поэтому А. С. Пушкин в "Гробовщике" отображает действительность абсурдную, где для героя как бы снимается граница между похоронами и новосельем, гробом и домом. Возникает некоторая параллель между этими вещами: "Заперев лавку, прибил он [Адриан] к воротам объявление о том, что дом **продается и отдается внаймы**". А над воротами нового дома Адриан повесил вывеску с надписью: "Здесь про-

даются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются напрокат и починаются старые" [II, т. 6, с. 81].

В конечном итоге Адриан Прохоров предпочитает жить не интересами бытия человечества, а ограничиться бытом своей среды.

Мотив смерти присутствует и в других болдинских повестях. В "Станционном смотрителе" умирает отец "блудной" Дуни. А в "Метели" травестируется миф о мертвом женихе. Эпиграф к этой повести — строки из баллады В. А. Жуковского "Светлана", которая, в свою очередь, была своеобразной травестией баллады немецкого предромантика Бюргера "Ленора", где мертвый жених приходит за своей скорбящей невестой, что обрекает ее на гибель. В. А. Жуковский превращает явление мертвого жениха в сновидение, а в новелле В. Ирвинга это драматическое событие инсценируется: убитого жениха замещает его друг.

У А. С. Пушкина жених погибает, но после несостоявшегося венчания счастлив уже другой, неожиданно для себя ставший мужем героини — Бурмин.

Если в "Метели" проблема ценности жизни в связи с ее конечностью не ставится, то для Сильвио, героя "Выстрела", она приобретает принципиальное значение.

Нельзя согласиться с В. Е. Хализевым и С. В. Шешуновой, которые считают, что "... по своему характеру Сильвио сродни Адриану Прохорову (как не велика разница в их жизненном положении и мировоззрении): сосредоточенность на одном круге мыслей и намерений делает героя унылым и мрачным" (15, с. 19). Ведь характеризуя героя "Выстрела" А. С. Пушкин изображает личность, которая формируется эпохой, осмысленной как переломная.

Принципиальное значение в жизни героя имеет дуэль с графом. Соперничество возникает из-за желания первенствовать. После приезда в полк графа Сильвио ожесточается. Во время дуэли равнодушие противника удивляет Сильвио. Он думает: "Что пользы мне... лишить его (графа) жизни, когда он ею вовсе не дорожит?" [II, т. 6, с. 63].

Жажда мести, озлобление незаметно для самого героя отодвигаются на второй план, главным становится спор о ценности жизни, об отношении к смерти. И конфликт приобретает уже философский характер. Сильвио перерастает кругозор буяна, изменяет свой образ жизни, подчиняя в ней все завер-

шению дуэли, приобретшей для него абсолютное значение. Так, у Сильвио зарождается романтическое мироощущение, для которого и характерна эта жажда абсолюта.

Сильвио, в отличие от Адриана Прохорова, показан в духовной эволюции, он открывает для себя смысл жизни, ощутив ее ценность, и находит своим внутренним устремлениям достойное применение: гибнет за свободу восставших греков.

Для А. С. Пушкина было важно то, что жизнь отдельной индивидуальности приобретает смысл и ценность тогда, когда эта индивидуальность начинает жить интересами всего человечества, участвуя в его бытии.

Благодаря самосознанию, человек осмысляет себя как личность, включенную в систему социальных отношений с другими людьми. Для автора "Повестей Белкина" особую ценность имеет личность цельная. Цельность же достигается благодаря единству бытового и исторического.

Структура личности предполагает соотношение таких психических свойств как:

- 1) индивидуальное и родовое;
- 2) цельность и раздвоенность;
- 3) сознательное и бессознательное;
- 4) статичность и динамичность;
- 5) внешнее и внутреннее.

Мы ограничимся соотношением индивидуального и родового в "Повестях Белкина", являющегося в структуре личности основополагающим. Индивидуальное и родовое находятся в противоречивом единстве, что обуславливает развитие личности.

Формами проявления личностного сознания в цикле являются: гусарство, романтичность, романтизм.

В гусарстве выразилось самоутверждение личности. Оно было, как считает Ю. М. Лотман, одним из вариантов вольномыслия, бытового вольнодумства. "Элемент вольности проявлялся здесь в своеобразном бытовом романтизме, заключавшемся в стремлении отменить всякие ограничения, в безудержности поступка..." [8, с. 186].

Черты буяна присущи Сильвио. Об этом он сам рассказывает И. Л. П.: "В наше время буйство было в моде: я был первым буяном по армии. Мы хвастались пьянством, я перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым" [II, т. 6, с. 62].

Гусарами были также Бурмин из “Метели” и Минский из “Станционного смотрителя”. Отметим, что гусары являются гусарами, во-первых, по служебному положению и, во-вторых, по психологии. В “Повестях Белкина” А. С. Пушкин отражает не социальный тип гусара, а психологический.

Романтичность является наиболее широко представленной формой личностного самосознания в цикле. Романическая личность строит для себя модель поведения по романам, жаждет чего-то необычного, создает культ чувства. Такими личностями в цикле являются Марья Гавриловна, Владимир Николаевич, Бурмин, Лиза Муромская, Алексей Берестов, а также рассказчик в “Выстреле” И. Л. П., который является одновременно и персонажем повести.

Образ Сильвио представлен в тройном освещении. Сначала он дан в восприятии рассказчика, тогда юного офицера, обладавшего романическим воображением.

Д. Д. Благой обращает внимание на связь “Выстрела” со “столь модными тогда “романами тайн и ужасов” английской писательницы Радклиф...” [2, с. 239]. Ее произведения “Сицилийский роман”, “Удольфские тайны”, “Итальянец” и др.) были написаны в жанре “готического романа” и полны были роковых тайн, обманчивых недоразумений и неожиданных развязок. У А. Радклиф сложился окончательно тип “героя-злодея” с сильной волей и безудержными страстями.

Очевидно, под влиянием произведений наподобие Радклиф, у И. Л. П. сложилось представление о Сильвио. Он молчалив, замкнут, обладает “резким злоречием” и “крутым нравом”, образ его, по мнению И. Л. П., окружен “таинственностью”, обладающей демоническим свойством. Сам И. Л. П. говорит о себе: “Имея от природы романическое воображение, я всех сильнее прежде всего был привязан к человеку, коего жизнь была загадкой и который казался мне героем таинственной какой-то повести” [II, т. 6, с. 59].

В “Метели” и “Барышне-крестьянке” представлен тип романической личности, которая моделирует свое поведение по литературным схемам и шаблонам.

На протяжении всей повести “Метель” слышна ироническая интонация. Выражения “следственно”, “само по себе разумеется” при описании чувств Марьи Гавриловны и Владимира Николаевича подчеркивают надуманность ситуации, вызванной чтением романов. Герои действуют согласно ранее

заготовленным ролям пьесы, которую они собираются разыгрывать в жизни.

Точными и живыми штрихами изобразил автор провинциальную барышню Марью Гавриловну. Характеристику барышень такого типа дал А. С. Пушкин в “Барышне-крестьянке”: “...что за прелесть эти уездные барышни!

Воспитанные на чистом воздухе... они знание света и жизни почерпают из книжек...” [II, т. 6, с. 100-101]. Романически настроен был также Владимир Николаевич. Но “наши любовники”, считающие себя существами, принадлежащими миру героев романов, все же неразрывно связаны с реальностью, со средой, где они родились и воспитывались. Быт этой среды и препятствует осуществлению планов Марьи Гавриловны и Владимира. А. А. Слюсарь пишет, что “...романическая модель поведения включается в патриархально-домостроевский быт, и между поэзией и прозой жизни достигается компромисс” [12, с. 117].

Девушка, одержимая “неодолимою силою страсти”, тщательно укладывает вещи и увязывает белье.

Бурмин также подвержен романическому влиянию. Объясняясь с Марьей Гавриловной, бывший буян говорит словами Сен-Пре из романа Руссо “Юлия, или новая Элоиза”.

Романически настроены герои “Барышни-крестьянки”. Алексей Берестов увлекается романами, популярными среди молодежи. Он не прочь предстать перед уездными барышнями романтиком, что было для них ново. С романтизмом Алексей познакомился, очевидно, в годы учения в университете. Свою собаку он называет Сбогаром — именем героя романа Ш. Нодье. Роман пользовался популярностью в начале 20-х годов XIX века.

В соответствии с впечатлением, которое произвел Алексей на уездных барышень, и строит свое представление о нем Лиза. Но Настя колеблет романические представления Лизы об Алексее.

Беспочвенная и длительная ссора Берестова и Муромского препятствует счастью их детей. Но благодаря “пугливости куцой кобылки” враги мирятся и решают поженить своих детей. Желания “отцов” и “детей”, таким образом, совпадают. Романически настроенные дети находятся в конфликте с отцами, который столь же несерьезен, как и ссора отцов, поэтому он не может существенно изменить жизнь детей. Но готов-

ность к бунту все же появилась, и какие-то сдвиги в отношениях между индивидуальностью и миром наметились.

Героиня "Станционного смотрителя" строит жизнь не на традициях своей среды, а исходя из своих устремлений. Самсон Вырин соотносит свою жизнь и поведение с нормой, выраженной в евангельских притчах о блудном сыне и о заблудшей овечке. Дуня для него и есть заблудшая овечка. На картинках в доме смотрителя — притча из евангелия. И А. С. Пушкин предлагает свою версию, он показывает, как жизнь идет вразрез с традицией. Дуня сама хочет распорядиться своей судьбой, но благополучие ей дорого достается: спивается, а затем и гибнет ее отец. И нет пути назад, связи с патриархальным миром для нее потеряны навсегда. Драма в повести вызвана причинами социального порядка. Для А. С. Пушкина важно было зафиксировать в своем цикле, наполненном гуманистическим пафосом, что движение началось, и он положительно оценивал стремление жить по-новому.

Литература

1. Берковский Н. Я. О "Повестях Белкина" (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // Берковский Н. Я. Статьи о литературе. — М.-Л., 1962.
2. Благой Д. Д. Мастерство Пушкина. М.: Сов. писатель, 1955.
3. Бочаров С. Г. О смысле "Гробовщика" // Контекст, 1973. Лит. теоретич. исследования. — М., 1974.
4. Гиппиус В. В. Повести Белкина // Лит. критик. — 1939. — № 2.
5. Жизнь и смерть : загалки и противоречия. — М.: Знание, 1990.
6. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. — М.: Наука, 1983.
7. Лотман Ю. М. А. С. Пушкин. Биография писателя. — Л.: Просвещение, 1984.
8. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М.: Просвещение, 1988.
9. Макогоненко Г. П. Творчество А.С.Пушкина в 1830-е годы (1830-1833). — Л.: Худож. лит., 1974.
10. Нemiровский В. Г. Смысл жизни: проблемы и поиски. — Киев, 1990.
11. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — 4-е изд. — Л.: Наука. — Т. 6.: Худож. проза. — 1978.
12. Слюсарь А. А. Проза А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Опыт жанрово-типологического сопоставления. — Киев-Одесса. Лыбидь, 1990.
13. Узин В. С. О повестях Белкина. Из комментариев читателя. — Пг.: Аквилон, 1924.
14. Фромм Э. Человек для себя. — Минск, 1992.
15. Хализев В. Е., Шешунова В. С. Цикл А. С. Пушкина "Повести Белкина". — М.: Высшая школа, 1989.